

DOI: [10.14515/monitoring.2022.4.2301](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301)

Д. Г. Подвойский

В ОБЪЯТЯХ КАРТОННЫХ БОГОВ: О МАГИИ ИМЕН, СИЛЕ СЛОВ И ФЕТИШИЗМЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. ЧАСТЬ I

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г. В объятях картонных богов: о магии имен, силе слов и фетишизме символического в социальной жизни. Часть I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2022) In the Embrace of Cardboard Gods: About the Magic of Names, the Power of Words and the Fetishism of Symbols in Social Life (Part 1). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 3–20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2301>. (In Russ.)

В ОБЪЯТЬЯХ КАРТОННЫХ БОГОВ: О МАГИИ ИМЕН, СИЛЕ СЛОВ И ФЕТИШИЗМЕ СИМВОЛИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. ЧАСТЬ I

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

Аннотация. В настоящем научно-публицистическом очерке предметом критического анализа становится феномен символического фетишизма как одно из закономерных проявлений и последствий универсального процесса социального конструирования реальности. Коллективное (вос)производство и артикуляция смыслов/ценностей в формах совместной человеческой деятельности и общественного сознания сопровождаются (вос)производством знаково-символических систем, составляющих важную компоненту объективированного универсума социальной жизни. Символическая система общества приобретает значительную автономию (по отношению к конкретным индивидам), формируя опредмеченную, овеществленную среду духовной и материальной культуры, в масштабах которой разворачиваются жизнь и деятельность социальных акторов. Трактовка указанной темы выстраивается на базе авторской рецепции трех концептуальных

IN THE EMBRACE OF CARDBOARD GODS: ABOUT THE MAGIC OF NAMES, THE POWER OF WORDS AND THE FETISHISM OF SYMBOLS IN SOCIAL LIFE (PART 1)

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2,3} — *Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Department of Social Philosophy and Philosophy of History; Associate Professor; Leading Researcher*
E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7396-1828>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. In this scientific and publicistic essay, the phenomenon of symbolic fetishism becomes the subject of critical analysis as one of the regular manifestations and consequences of the universal process of the social construction of reality. The collective (re)production and articulation of meanings/values in the forms of joint human activity and social consciousness are accompanied by the (re)production of sign-symbolic systems that constitute an important component of the objectified universe of social life. The symbolic system of society acquires significant autonomy (in relation to particular individuals), forming an objectified and reified environment of spiritual and material culture, on which scale the life and activities of social actors unfold. The interpretation of this topic is built on the basis of the author's reception of three conceptual sources: 1) the theory of conductors of interaction by Pitirim A. Sorokin, 2) the theory of symbolic capital and symbolic violence by P. Bourdieu (including reflections on the "power of nom-

источников: 1) теории проводников взаимодействия П. А. Сорокина (рассматривается в первой части статьи), 2) теории символического капитала и символического насилия П. Бурдьё (включающей размышления о «власти номинации» и ее роли в конституировании социальных отношений), а также 3) представлений Ж. Бодрийяра о знаковой природе потребления в обществах последних десятилетий XX — начала XXI века (обсуждаются во второй части очерка).

Статья публикуется в двух частях. Окончание — в № 5 за 2022 год.

Ключевые слова: фетишизация символического, отчуждение, символ, знак, язык, проводники взаимодействия, власть номинации, символический капитал, общество потребления, симулякр, означаемое, означающее, П. А. Сорокин, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяр

ination” and its role in the constitution of social relations), as well as 3) J. Baudrillard’s ideas about the symbolic nature of consumption in societies of the last decades of the 20th — the beginning of the 21st century.

The article is published in two parts. The end is in No. 5 for 2022.

Keywords: fetishization of symbols, alienation, symbol, sign, language, conductors of interaction, power of nomination, symbolic capital, consumer society, simulacra, signified/signifier, P.A. Sorokin, P. Bourdieu, J. Baudrillard

Люди и их символы... символы и их люди...

Универсум общества и культуры создается людьми и без людей существовать не может. Окруженный со всех сторон (извне и изнутри) «первой природой» человек производит вдобавок социокультурную вселенную как своего рода природу номер два. Производит и помещает себя в нее одновременно. Он не только строитель, но и жилец сконструированного им здания. Дом этот — своего рода искусственная, рукотворная среда обитания человека — возводится частично по плану, а частично «как придется», строится долго (правильнее было бы сказать — вечно), строится многими (в том числе давно ушедшими, забытыми, безымянными, канувшими в лету), строится и перестраивается... В любом случае получается: каркас, ходы и лабиринты здания оказываются столь запутанными, что никогда не соответствуют никакому конкретному проекту строительства. Парадоксальным образом жилец и строитель этого здания не является его полновластным Хозяином. Дом управляется при помощи его обитателей и в то же время как бы сам собой.

Социокультурный космос сотворяется и организуется коллективными усилиями, целенаправленными и стихийными, осмысленными и не очень. Человек как творец общества и культуры всегда определенным образом объективирует, опредмечивает, овеществляет/реифицирует, «овнешняет» себя в них — вынося свои «произведения» за пределы самого себя и ставя их рядом или даже часто *над* собой.

Процесс «отчуждения» (за неимением лучшего будем здесь использовать этот «зонтичный термин») наблюдается везде и всюду, когда имеют место обособление и автономизация продуктов человеческой деятельности и/или мышления, и в особых (нередких) случаях переворачивание отношений «цель — средство» и подчинение человека его собственным порождениям, которые обычно уже не воспринимаются в их «производном» от человеческой активности статусе, но предстают как своего рода самодовлеющие сущности. Для характеристики крайних форм обозначенного процесса также может использоваться слово *фетишизация*, описывающее ситуацию, когда «плод коллективного воображения» срывается с цепи и убегает от своих создателей. Становясь «частью реальности», этот окаменевший, кристаллизовавшийся в тех или иных «объективных» (или квазиобъективных) формах конструкт начинает диктовать свои правила людям. Общечеловеческая склонность к фетишизму проявляется в том, что мы — люди как творцы социокультурной реальности — населяем созданные нами миры богами и, преисполненные чувством священного трепета, опускаемся перед ними на колени. Такими богами являются, например, общественные институты, но не только они¹...

Ниже речь пойдет о более частной, но в то же время весьма обширной теме — фетишизации в сфере символического. Сама эта область не какой-то узкий сегмент социокультурной жизни, она распылена более или менее равномерно по всему универсуму человеческого опыта. В той мере, в какой индивид в своем отношении к миру оперирует ценностями, он внедряет в этот мир субъективные смыслы и значения. Коллективно разделяемый и социально генерируемый интерсубъективный мир смыслов и значений, собственно, и есть то, что мы называем культурой человеческого общества. Всякий культурно значимый объект приобретает так или иначе символическое измерение, сам выступая в качестве символа — обозначения, выражения, отражения, маркера, способа фиксации... того, что имеет или приобретает определенный смысл для человека в качестве доброго и злого, достойного восхищения и преклонения, отвратительного, прекрасного, справедливого, презренного, величественного... etc. Объекты в мире для человека как носителя культуры не просто существуют, они являются знаками чего-то. Следовательно, сфера символического фактически объемлет всю культурную жизнь, выступает одним из ее фундаментальных срезов. Нас, однако, в дальнейшем будут интересовать не теории символического в философском, культурологическом или семиотическом ракурсе с их порой весьма витиеватыми играми дефиниций и понятий, но более конкретный сюжет, а именно — механизмы фетишизации символических структур общества, в том числе коллективного сознания (фетишизации как специфического проявления универсального процесса отчуждения, о котором говорилось выше). Поэтому вынужденно оставим здесь за бортом и Э. Кассирера с его «философией символических форм», и Л. Витгенштейна, и всю аналитическую традицию с ее интересом к языку, и герменевтику, и большинство школ и направлений мысли минувшего века, осуществивших так называемый лин-

¹ Таким образом, концепты фетиша / фетишизма / фетишизации употребляются здесь в предельно широком, вольном (отчасти метафорическом) смысле, частично отличающемся от спектра более специальных значений этих слов, которые можно встретить в этнолого-антропологической или психологической литературе. При таком взгляде, например, различие фетишизма и идолопоклонства, целесообразное в других исследовательских контекстах, не принципиально. См.: [Питц, 2019].

гвистический поворот в гуманитарных науках. Для предварительной экспозиции намеченной темы нам будет достаточно более скромного пучка идей, которые тем не менее проливают свет на интересующую нас проблему. Попробуем решить нашу задачу, обратившись к релевантным фрагментам наследия всего лишь трех авторов — Питирима Сорокина, Пьера Бурдьё и Жана Бодрийяра. Первый важен в обсуждаемом проблемном контексте как создатель теории проводников взаимодействия (русский период творчества Сорокина); второй — как исследователь феноменов символической власти, в том числе «власти номинации»; и, наконец, третий как автор концепции общества потребления, симулякров и симуляции, гиперреальности, «политической экономии знака».

Социологическая теория символического фетишизма (или фетишизации символического) в XX веке, разумеется, испытывала на себе влияние более ранних концептуальных решений, предложенных классиками общественной мысли. Принципиально важное место здесь должно быть отведено Марксовой трактовке религиозного, товарного и денежного фетишизма, «ложного сознания» и т. п., разворачивающей и уточняющей стартовую фейербахианскую интерпретацию отчуждения, а также дюркгеймовской идее «божественного социального», обрастающей множеством интригующих подробностей на страницах «Элементарных форм религиозной жизни».

На самом деле объяснение того, почему наблюдается автономизация символических систем от конкретных участников опосредуемых символами социальных взаимодействий, может быть довольно простым. Поэтому нелишней была бы небольшая общетеоретическая преамбула, которая вобрала бы в себя и объединила аргументацию самых разных подходов.

Символическое полотно социокультурной жизни должно быть в известной мере генерализ(ир)ованным, даже если само общество, его создающее, высоко дифференцировано. Это своего рода функциональная неизбежность или социальное априори. Обобщенный характер символических систем нужен отдельному индивиду, нужен индивидам в конкретных ситуациях взаимодействия лицом к лицу и нужен обществу на институциональном уровне. Символам участники взаимодействия должны приписывать более или менее одинаковое значение, иначе интеракция не состоится и общество развалится на атомарные составляющие. Функциональное предназначение и роль символов в обществе могут быть определены предельно кратко: «Символизм делает возможными категоризацию, упорядочивание социального опыта, коммуникацию и взаимодействие» [Халас, 2021: 30]. Социальное вещество склеивается благодаря тому, что имеет место хабиутализация (опривычивание) «взаимодействий, в которых языковые выражения и, шире, символизм выполняют практическую функцию» (координации) [там же: 42]. И в данном пункте философия инструментализма и прагматизма, когнитивная психология, символический интеракционизм, социальная феноменология, социология знания и даже структурный функционализм вполне согласны друг с другом.

Индивиду для эффективного действия в мире (применительно как к природным, так и к социальным объектам) нужна какая-то когнитивная карта: на ней объекты должны быть «подписаны», привязаны к именам, иметь определенные

названия. Сознание, «подписывая» предметы, факты и события², их таким образом опознает и идентифицирует как такие-то и такие-то (через осуществление процедур типизации). Объекты каталогизируются в языке — так происходят категоризация и упорядочение опыта в синхронии и диахронии. Время вносит свои коррективы, пополняет наши знания об окружающей реальности, но все же кулинарная книга субъективного опыта продолжает хранить рецепты и имеет работающее оглавление (свадебный цветок флердоранжа обычно не путается с черной траурной шалью).

Как поется в детской песенке, «это очень интересно... кто придумал крокодилу это имя крокодил, кто назвал слона слонем... кто фазану и сазану дал такие имена?». И это действительно любопытно для уяснения происхождения слов, но, оценивая ситуацию прагматически, гораздо важнее, чтобы крокодила всегда называли крокодилом, в крайнем случае аллигатором, кайманом, гавиалом, но не коровой и не маленьким осликом (который, кстати, очень хотел породниться с крокодилом).

В дополнение к этой функции индивидуальной когнитивной мироориентации прибавляется необходимость социальной ориентации. Человеку сто раз на дню приходится эмпирически решать проблему «двойной контингентности» в ситуациях взаимодействия. Чтобы взаимодействие между двумя и более индивидами состоялось, они должны понимать друг друга хоть как-то, хотя бы в первом приближении (правда, у них и так получается довольно плохо). Если даже людей не объединяют общие ценности, то желательно, чтобы они умели, как минимум, находить общий язык друг с другом — пускай только в прямом, а не в переносном смысле (чтобы, например, понять, что завтра тебя вызывают на ковер, выселяют из квартиры, увольняют или сажают в тюрьму, — когда тебе кто-то об этом сообщил при помощи языковых средств). Для практических целей поддержания и организации общего (интерсубъективного) мира, его воспроизводства во времени, обеспечения относительной предсказуемости событий и упорядоченности опыта (даже для ведения войны по правилам) нужно сохранять известную независимость от индивидуальных (потенциально расходящихся) толкований символов. Чтобы календарь не врал, встречи назначались и происходили в оговоренное время, транспорт ходил по расписанию, работала система денежных расчетов, а ослом называли одомашненное непарнокопытное млекопитающее (либо — не очень умного и/или упрямого человека)³, и т. д. и т. п.

Функционирование институциональной системы общества на всех уровнях (от повседневного до социетального) столкнулось бы с невероятными трудностями, если бы каждый индивид использовал символические средства как ему вздумается, как абсолютно приватный язык, пригодный лишь для ведения разговоров с самим собой. Символы должны истолковываться людьми, их использующими, более или менее одинаково и единообразно. Поэтому символический универсум коллективной жизни и представляет собой некий реифицированный макрокосм, в масштабах которого сходятся, находя привязку к общим смыслам, знакам и значениям, микрокосмы наших одиночных, отчасти изолированных и в то же время

² Необязательно ручкой или карандашом, вполне возможно — лишь «в уме».

³ Любое слово может быть полисемичным, но все же имеет ограниченное количество значений.

высоко социализированных сознаний. Иначе говоря, подлинным генератором символической системы в большинстве случаев оказывается именно общество, а не индивид. Если же символы получают возможность жить своей собственной жизнью (хотя всегда лишь при участии людей), то какова механика воздействия, оказываемого ими на человеческое сознание и поведение?

Проводники интеракции: их рикошетное воздействие и фетишизация

Рассуждения о роли символов в общественной жизни представляют заслуживающий внимания фрагмент в раннем творчестве Питирима Сорокина⁴. Ядро теоретической интерпретации символического для российского ученого составляет концепция проводников взаимодействия, являющаяся частью грандиозного замысла «Системы социологии». Напомним, предложенная Сорокиным базовая модель межлической интеракции как простейшего социального феномена включает три элемента: взаимодействие состоит из 1) актов, 2) акторов и 3) проводников⁵. В третий пункт модели помещается разнородная совокупность «объектов» принципиально несходной природы, имеющих, однако, условно сходное функциональное предназначение. Они тем или иным образом опосредуют взаимодействие между индивидами, что необходимо, поскольку наши психические переживания до партнеров по интеракции сами по себе не доходят, но нуждаются в каком-то внешнем носителе, передатчике, медиуме, определенном способе или канале объективизации. Сорокинская классификация видов проводников детализирована, мелкодробна, отчасти избыточна, и воспроизводить ее тут особой надобности нет. Вместе с тем Сорокин замечает, что большинство проводников обладает рядом функциональных сходств. Среди прочего он говорит о способности проводников к «рикошетному воздействию» на индивидов и их психические переживания, а также о тенденции к фетишизации проводников [Сорокин, 1991: 157—170].

Что такое рикошетное воздействие? По сути, это обратное влияние творения на творца, средства на цель, формы на содержание, следствия на причину, продукта и результата действия на его источник и мотив. И это влияние может быть разным: бумеранг, выпущенный из рук, не просто возвращается к выпустившему его, но и порой ударяет своего «хозяина». В любом случае, констатирует социолог: «проводники, созданные в процессе взаимодействия, раз возникнув, начинают жить самостоятельной жизнью, приобретают свой темп и ритм жизни и оказывают на нас свое влияние» [там же: 159]. Здесь же Сорокин припоминает и Дюркгейма, утверждавшего, что «социальная жизнь кристаллизуется и отвердевает на материальных подпорках» [там же: 158].

Упомянутые особенности можно обнаружить при рассмотрении проводников разных видов. Взять, например, хотя бы те же предметные проводники, то есть вещи как объекты материальной культуры. Они влияют на поведение индиви-

⁴ Реконструкция сорокинской концепции символического представлена в серии публикаций К. П. Лазебной. См., например: [Лазебная, 2012].

⁵ Впоследствии (уже в американский период творчества) Сорокин пересмотрит и существенно скорректирует эту бихевиористскую модель, однако не откажется от самого концепта «проводников», включив его в свое аналитическое описание «родовой структуры социокультурного явления». См. в: [Сорокин, 1992: 190—220].

дов прежде всего внешним образом — чисто механически (хотя и не только так). Влияние на людей транспорта, поселенческой инфраструктуры, дорог, зданий отчасти сопоставимо с влиянием природных сил.

«Совокупность проводников в силу их существования механически обуславливает наше поведение и переживания: мы вынуждены двигаться по тем путям сообщения, которые создались без нас, жить среди зданий города или деревни, выделенных в виде коралловых рифов предыдущими поколениями человеческих полипов, воспринимать те знаки, картины, звуки и т. д., в которых застыли переживания других людей, молиться в зданиях, созданных до нас и без нас, и т. д. Окруженные со всех сторон бесконечным множеством проводников, мы, подобно губке, вбираем, впитываем в себя, часто помимо нашей воли и вопреки ей, те раздражения, которые испускают из себя эти застывшие проводники. Временами, как в путях сообщения, они диктуют нам линию нашей дороги, иногда, как в жилищах, они предопределяют характер того ящика, в котором нам суждено жить...» [Сорокин, 1991: 159—160]. Сравнение материальной инфраструктуры общества с отложениями коралловых образований, конечно, примечательно, но это еще лишь начало разговора.

Признание несомненного факта механического влияния элементов материальной культуры общества на человека лишь открывает тему. В духе модных течений в психологии начала XX века Сорокин отмечает: даже сугубо механическое воспроизведение конкретных жестов и звуков, порождаемых обычно определенными эмоциями и переживаниями, само по себе в ряде случаев может вызывать или укреплять подобные эмоции и переживания. Одно лишь внешне фиксируемое состояние смеха может развеселить, а слезы провоцируют слезы и как бы невольно накатывающую грусть. Актер, воспроизводящий те или иные сценические приемы и навыки, способен заражаться исполняемой ролью, например, проникаться ее трагизмом, и т. д.

Огромную роль в жизни людей при исполнении типовых операций в типовых ситуациях играют установившиеся привычки и повседневные рутины, создающие эффект накатанной колеи для действий и сопровождающих их мыслей и эмоций. Так, религиозное сознание порой прочно привязывается к определенным устойчивым способам выражения чувств во внешних актах. Ритуал властно довлеет над индивидом. При этом ритуальность действий для их строгого воспроизводства «по шаблону» нуждается в соответствующем антураже, сцене с определенным реквизитом. Атмосфера храма рождает молитву. Тиражированный и освоенный ритуал работает как условный рефлекс.

В описываемых ситуациях проводник поддерживает и усиливает определенные человеческие чувства и реакции просто благодаря пространственно-временной смежности и сопутствующему характеру определенных интенций человеческой души, с одной стороны, и каких-то их «типических» маркеров, проявлений и средств выражения, с другой. Оторвавшееся от своего источника следствие, пустившееся в свободное плавание, может легко порождать собственную причину: «романтическая» обстановка настраивает на «романтический лад», а веселая музыка повышает настроение. Правда, и здесь не обходится без посредничества культурной подсистемы общества — закат у моря, туман над полями, звуки гармони

за рекой, буря, вьюга, гром и молния... сами по себе, вне культурного контекста ничуть не романтичны / не сентиментальны / не драматичны.

Но вот к механике и психологическим эффектам, заставляющим вспомнить о «рефлексологии» и физиологической теории академика И. П. Павлова, присоединяется символика. К материальной культуре подключается культура духовная (хотя в эмпирической реальности общественной жизни они никогда не бывают четко разделены, но, напротив, постоянно проникают друг в друга, особенно в области символического).

Возьмем, к примеру, культовое сооружение, имеющее, как и любая другая человеческая постройка, «материальное измерение» в виде стен, крыши, окон, дверей и т. д. Однако храм — это не просто некоторым образом устроенное здание с входами, выходами, этажами, перекрытиями, подвалом и т. д., но здание, буквально напичканное проводниками иного, не чисто механического рода — крестами, статуями, фресками или иконами, дарохранительницами, частицами мощей праведников, хоругвями, т. п. Например, алтарь в православной церкви не просто отделен от остального пространства храма иконостасом. Входить туда простым мирянам не полагается, это — «святое место», еще более святое, чем храм в целом... Стоять спиной нельзя, прикасаться нельзя или можно, но лишь определенным образом, здесь только стоя, здесь только на коленях, движения регламентированы, слова тоже... И все эти многочисленные проявления «общественного нельзя» привязаны к определенным объектам, несущим сложную символическую нагрузку, которую индивидам приходится принимать в расчет, с которой они должны считаться. И здесь, как говорится, все понятно и объяснимо: с религиозной точки зрения храм — это дом Бога, а с социологической — территория, где правит бал и «распорядительствует» дюркгеймовское божественное социальное.

Что делает икону или статую святого более чем рисунком на дереве или куском обработанного камня? Почему полковое знамя и государственный флаг суть нечто большее, чем полотна ткани, привязанные к длинной палке? Благодаря чему определенный гармонический звуковой ряд превращается в мелодию для увеселения, танца, оперную арию, гимн или похоронный марш? Как опознать и не перепутать: что значит что? Компетентные акторы «по жизни» как-то в этом пестром культурном калейдоскопе ориентируются, хотя всегда сохраняется вероятность ошибки. Достаточно вспомнить фабулу известного анекдота, в котором на похоронах товарища Сулова, когда заиграла музыка, лишь Леониду Ильичу как хозяину положения и толкователю правил приличия приходит в голову мысль⁶ пригласить даму на танец. И, конечно же, многие люди, положив руку на сердце, могли бы признаться, что не раз попадали в похожие ситуации, вызванные некорректным прочтением символических кодов.

Эти вопросы не следует понимать в том же смысле, что и поставленные чуть выше: почему звуковое или буквенное сочетание ф-а-з-а-н означает птицу, а с-а-з-а-н — рыбу. В любом случае на страже значений стоит общество, большое или «малое», или конкретная группа, возрастная, профессиональная, этническая, конфессиональная или иная, территориальная общность, субкультура и т. п. (если

⁶ Выглядящая в его полумаразматическом сознании «ситуационно уместной» (говоря гофмановским языком).

речь идет, например, о сленге, использующем то или иное особое значение конкретного слова)⁷.

Система символов, вырабатываемых обществом, как бы наклеивается на реальность предметов, событий и фактов. Символическая нагрузка «снисходит» на объекты, поскольку она сама в них не содержится изначально. Происходит своего рода чудо «социального означивания». Для осуществления процесса символизации нужна соответствующая санкция коллектива, наделяющего вещь определенным рода таким-то и таким-то значением.

Социальное означивание повсеместно осуществляется не только в языковых формах (в узком смысле), но и при помощи огромного и разнообразнейшего арсенала «экстралингвистических» средств. Хотя сторонники «лингвистического империализма» всю совокупность способов и средств, задействуемых обществом в целях поддержания взаимопонимания и установления коммуникативных контактов его членов, могут на свой вкус называть *языком* (даже если слова в конкретных интерактивных ситуациях и не используются), для социолога существо дела от этого не меняется. Язык жеста, танца, телодвижений, подарка, татуировки, модного «прикида», минуты молчания, барабанного боя, колокольного звона... — если кому-то хочется, пусть будет так. Подкрепляемые силой коллективных представлений значения и смыслы циркулируют в обществе, привязываясь к тем или иным знаковым носителям. Иначе говоря, семантика (система значений и смыслов) и семиотика (система знаков) работают в тандеме, обслуживая нужды социально и культурно сконструированных и реифицированных «символических универсумов»⁸.

Символическое поселяется в словах и вещах, прикрепляется к ним, наделяя их специфическим культурным статусом. Вернее, слова и обширная совокупность созданных человеком вещей существуют главным образом для того, чтобы выступать резервуаром для хранения производимых обществом смыслов.

«Некий биофизический объект [и не только биофизический. — Д.П.], функционируя в течение продолжительного времени как носитель определенного значения, нормы или ценности, идентифицируется с ним до такой степени в умах субъектов взаимодействия, что он имеет тенденцию стать самодостаточной ценностью. Он часто трансформируется в фетиш, сам по себе любимый или уважаемый, внушающий страх или ненависть. Национальный флаг, который физически является лишь палкой с приделанным к ней куском материи, в результате постоянного использования становится эмблемой независимости, власти, достоинства, чести или славы нации. Он перестает рассматриваться исключительно как кусок материи, приделанный к палке, и преобразуется в идола. Чувства и отношения, рождаемые значениями и ценностями, которые он объективирует и раскрывает, все чаще связываются с ним самим; восхищение, уважение или ненависть, вызываемые ценностями, которые он репрезентирует, в конце концов направляются на сам флаг. Люди теряют из виду его реальную роль — неодоушевленное средства пере-

⁷ Например, блатной жаргон и профессиональное сообщество орнитологов будут называть «бакланами» совершенно разных существ.

⁸ Здесь мы вполне намеренно употребляем термин из «Социального конструирования реальности» П. Бергера и Т. Лукмана.

дачи существующих значений, они начинают рассматривать его как одушевленное существо, живущее собственной жизнью. Короче говоря, флаг становится фетишем и таким образом глубоко воздействует на поведение и ментальность человека...» [Сорокин, 1992: 215].

Всем хорошо известна роль внешней атрибутики, аксессуаров, униформы, ритуального облачения, мундиров, мантий, торжественных церемоний и иных мероприятий, требующих особой обстановки и т. д. Все это чрезвычайно сильно влияет на поведение и настроение людей. С участием такого сценического реквизита разыгрывается социальный маскарад с реальными последствиями. При посредничестве и поддержке символических проводников конкретные индивиды в социально типических ситуациях справляются со своими ролями, наполняются силой, ощущают собственную миссию. Коронованным особам трудно обойтись без регалий царской власти, как военным — без мундира, а судьям — без мантии и молоточка. Служитель культа в высоко ритуализированных религиях с богатым церемониальным антуражем богослужебных практик может испытывать дефицит уверенности, когда предстает перед паствой не в облачении, чувствовать себя так, как будто все то, что он делает и говорит, выглядит и звучит недостаточно убедительно. Ведь он — не просто человек, но представитель клира, выступающий от имени институции, «успешно монополизировавшей божественную благодать». И что-то об этом его статусе должно явным образом свидетельствовать — узнаваемый облик, одежда, манера речи и т. д. Расстрел, осуществляемый людьми в военной форме, — более фреймированное и «оправданное», легитимное мероприятие, в том числе и для них самих, «не просто убийство». Приводящие приговор трибунала в исполнение солдаты — не какие-то случайные прохожие с улицы, творящие произвол, а орудие армии и государства, и это должно быть всем понятно по их внешнему виду.

«<...> Перемените, — пишет Сорокин, — у ряда индивидов форму, лишите их внешних символических знаков — погон, мундира, шпаги, креста, медалей и т. д. — и вы перемените их психику. Сколько лиц — политических заключенных — чувствовали эту перемену переживаний, когда на них надевали арестантский бушлат. Сколько военных, генералов, офицеров „мгновенно перерождались“, когда с них срывали погоны и одевали их в штатскую одежду. Оголите деспота — и вы сделаете его жалким и простым смертным. Окружите, оденьте простого смертного пышными знаками достоинства — и перед вами родится властный, самоуверенный, гордый самодур или властелин» [Сорокин, 1991: 164].

Сходным образом фетишизируются и языковые формулы: молитвы, заклинания, обращения к людям и богам при помощи определенных слов. Слово приобретает магическую силу, настраивая на определенный лад. Слово способно лечить и убивать. Озвученный врачом диагноз влияет на больного. Диагноз способен привлекать, притягивать к себе симптомы, искусственно генерировать их, усиливать и ослаблять [Кубряк и др., 2019]. Алиса знала: если отпить из пузырька с надписью «яд», в скором времени почувствуешь легкое недомогание... Слова сказанные, произнесенные, написанные порой сильно влияют на (пере)определение ситуации — как, например, до и после объяснения в любви. После такого символического события многое рисуется в новом свете, мир — по крайней мере,

на какое-то время — окрашивается новыми красками (особенно если в данной культуре «не принято разбрасываться словами», имеющими статус «важных»)⁹.

Слова строят, перестраивают и разрушают отношения, из-за них вызывают дуэли, распадаются семьи, объявляются малые и большие войны. Социальное должествование, разного рода «обеты» и «клятвы» облекаются в словесные формы (порой весьма ритуализированные) и закрепляются в них. Поэтому «верность долгу» нередко преподносится как «верность слову» (ср., например, «*мужик сказал, мужик сделал*» / нарушить данное слово, не быть хозяином своего слова, бросать слова на ветер). С одной стороны, в словах и за словами может скрываться лукавство: «не лукавьте... все слова, слова, слова». Но, с другой стороны, слова (свои и чужие) в большинстве случаев приходится воспринимать серьезно, потому что они оказываются, по сути, единственной [условно надежной] опорой социального мира — полем договоренностей между участниками взаимодействий и декларируемых свидетельств об их планах и намерениях.

Иерархии номинаций, используемые для языковых статусных различий и демонстрации уважения/неуважения к представителям различных групп и конкретным категориям индивидов, дублируют и сопровождают объективные социальные иерархии, переплетаются с ними, отчасти отражая, а отчасти активно конструируя их. Языковые номинации, применяемые как средства дискурсивной селекции и классификации социально несходных объектов, могут быть как негативными (навешивание ярлыков), так и позитивными, быть более или менее формализованными. Иногда они могут быть довольно жестко регламентированы, как в случае с упоминанием официальных социальных рангов — титулов, званий и т. д. Обращения к юристам, военным, представителям аристократии и духовенства, государственным чиновникам (Ваша честь... Ваше сиятельство, светлость, превосходительство... Ваше высокопреосвященство, святейшество, преподобие... и т. д.) воспроизводят отношения чинопочитания, существующие в конкретном обществе, и вызывают подкрепляющий статусную неоднородность психологический эффект — как в сознании и чувствах тех, кто обращается, так и тех, кто выступает адресатом обращения. Его называли «Ваше высокоблагородие», и он «совершенно растаял» от этих слов, поскольку его действительный чин в табели о рангах был гораздо ниже...

Можно сказать, что фетишизированные проводники, о которых пишет Сорокин, как латуровские актаны, играют с нами на одном поле в замысловатую социальную игру. Они играют с людьми наравне (хотя без людей они были бы чем-то другим) — играют рядом, вместе, иногда «за», а иногда и «против» них. Именно люди допустили их до участия в игре, но фактически проводники почти всегда играют как особая команда, на своих условиях и по своим правилам. И новые участники, выходящие на поле, вынуждены считаться с этими условиями и правилами.

У проводников есть одна любопытная особенность: игра, в которую они играют с людьми, не всегда такая уж честная. И люди сами несут за это значительную долю ответственности. Мы имеем в виду способность символических средств выражать то, чего нет. Можно дарить цветы, преподносить подарки, говорить

⁹ Как поется в песне, «Признание это, наверно, я тысячу раз повторю». Но поначалу слова действуют сильно.

нежные слова, но не любить, исповедоваться в грехах, но в глубине души не раскаиваться. Слова есть, а чувств нет. Профессорская мантия — не обязательно признак знаний и ума, как судейская — компетентности и неподкупности; орден на мундире, эполеты и аксельбанты — не всегда свидетельства воинской доблести и личной храбрости; ряса, клобук и тиара — не всегда символы подлинного благочестия, праведности и высокой духовности. Как шутили древние, по ушам узнают осла, но они же сетовали на обманчивость человеческого «экстерьера», добавляя: бороду вижу, философа не вижу (не всякая умная речь является признаком ума).

Внешняя символика может виртуозно технически имитировать отсутствие внутреннего содержания. За броскими одеждами символов нередко прячутся оборотни. Одним из излюбленных риторических занятий «подлецов» были и остаются рассуждения о морали. В «Балладе о правде и лжи» В. Высоцкий блестяще описывает переодевание зла в похищенные у добра белые одежды. Под маскою овцы порой таится лев или кто-то другой, совершенно не обязательно овца...

Социальные авторитеты, действительные или мнимые, вообще обожаютрядиться в одежды, наряжаться, выглядеть, казаться, производить впечатление, демонстрировать внешность, быть заметными, пускать пыль в глаза наивного наблюдателя, обычно не имеющего возможности заглянуть вовнутрь, оценить по достоинству и справедливости, то есть по гамбургскому счету, насколько прекрасна нагота голого короля. Символическая система общества отнюдь не является чистой бутафорией, пустой инсценировкой. Она предельно фактична и нередко даже деспотична. Но ее «гетерономия» в отношении мира людей поддельная, вторичная, производная, потому что ее создают сами люди своими руками и головами. И это значит, что она всегда остается под вопросом.

Символический универсум общества, порой довольно цветистый и мозаичный (как, впрочем, и универсум институциональный), можно в некотором роде назвать компанией или коллегией липовых королей и картонных богов. Эта метафора кажется нам уместной, потому что всякая власть, в том числе власть слов, отчасти иллюзорная и полухимерическая, если угодно, висящая на волоске (правда, обычно прочном, как стальной канат), поскольку она базируется на той или иной разновидности самообмана, сартровской «дурной веры» и всегда может быть поставлена под сомнение, превращаясь в объект мыслительной деконструкции и рациональной критики. Пока стояние картонного домика *status quo* на земле в безветренную погоду убедительно обосновывается мастерами от легитимации и шире — всей символической системой в старой как мир манере «иного не дано», домик будет стоять и казаться его обитателям сделанным из железобетона. Поэтому, как свидетельствует история, «иллюзии» и «химеры», надежно/крепко вмонтированные в ткань социальной жизни, могут быть вполне жизнеспособными и обеспечивать лояльность человеческих «душ и сердец» целую вечность. Разумеется, нельзя исключать варианта, что в один прекрасный (а для кого-то — черный) день неожиданно подует ветер, домик рухнет, и все бросятся строить что-то новое, опять же потому что «иного не дано».

Но даже если власть «липовых королей и картонных богов» имеет отчасти дискурсивное происхождение (хотя и далеко не только дискурсивное), это не значит, что такая власть несерьезна. Напротив, она способна генерировать вполне реаль-

ные последствия, в том числе использовать для своего поддержания реальные рычаги социального контроля. За неосмотрительное пре-не-брежение дискурсивными порядками общества и тем более за открытое «кошунственное святотатство» в отношении словесных нагромождений, легитимирующих господствующий символический универсум, и сопровождающих их артефактов (памятников, могил, гимнов, празднеств и ритуалов), за его публичную десаκραлизацию (профанирование) могут отправить не только в сумасшедший дом.

Общество заставляет проявлять уважение к себе¹⁰ через побуждение к добровольно-принудительной демонстрации уважения к его собственным символам. И в этом, возможно, наиболее отчетливо проявляется склонность символических проводников к фетишизации. Сорокин предлагает поставить мысленный эксперимент, следуя логике Дюркгейма, доказывавшего таким образом эмпирическое существование социального факта с его принудительностью. Попробуйте поиграть с социальным фактом — или, точнее, против него — и вы доиграетесь. С социальными фактами лучше без надобности не шутить. Но Сорокину нужен более конкретный, осязаемый вывод. Он пытается вообразить, что будет, если отправиться к «идейным и верующим» (не важно, во что) и надругаться над их «священными символами» (знаменами, портретами вождей и кумиров, и т. п.). Ответ ясен: весьма вероятно, вы сами не унесете ног после встречи с разгневанной, оскорбленной в своих лучших чувствах общественностью. В глазах этих людей вы совершили преступление (напомним, Дюркгейм определяет преступление как оскорбление коллективных представлений). Но что, собственно, произошло, например, от того, что кто-то порвал флаг? Кого-то убили, кто-то на кого-то пошел войной? — Нет. Что случилось бы с королевской четой государства N в тот момент, когда кто-то скомкал бы изображение венценосных персон в присутствии их верных подданных (не революционеров и не оппозиционеров)? По-видимому, ничего. Но он тем самым символически унизил бы всю страну N и ее жителей — конечно, при условии, что монархические чувства в этой стране сильны и короля почитают как персонифицированное воплощение единства нации. Когда «чувства верующих» оскорблены, коллектив реагирует незамедлительно — негативными санкциями (виновника ждет «заслуженная» кара, хотя материальный ущерб от порванного знамени или фотографии лидера мизерный). Все это схоже с отношением дикарей к эмблеме клана, самому тотему или его символу, священному объекту и т. д. На какой-то объект снисходит символическая социальная нагрузка, к нему приклеиваются определенные «коллективные представления». Отсюда почитание реликвий разного рода и наказание за неподобающее обращение с ними, за их профанирование. Коллектив не хочет признавать и допускать мысли, что его картина мира, ценности и мифы висят над пропастью онтологической, эпистемологической и этической неочевидности. Поэтому свято место пусто не бывает, а доступ в *sancta sanctorum* коллектива всегда самым тщательным образом оберегается от возможных нашествий разного рода осквернителей и вандалов.

Интересно, что ни для Дюркгейма, ни для Сорокина не стоит задача перечисления и подробного содержательного описания универсальных способов и средств

¹⁰ Как говорят у нас в стране — «научить родину любить».

оскорбления коллективных представлений, потому что таких способов не существует — в разных обществах и социальных группах они разные. Тот же сорокинский пример со знаменем, даже в эпоху символического доминирования национальных государств (у каждого из которых есть свой флаг), следует рассматривать с оговорками.

Например, сегодня в культурах многих стран изображения национальных символов на плавках и купальниках, полотенцах, ковриках для вытирания ног, судя по всему, не воспринимаются как недопустимые и неприличные. Напротив, в них имеет смысл усматривать специфические проявления патриотизма «с долей пикантности и сексуальности», что особым образом понимаемому имиджу страны может идти на пользу. Вытираться после бассейна или морского купания на глазах у всех полотенцем с изображением бразильского флага не унизительно для национальной гордости бразильцев, ведь каждый знает (как минимум, со времен Остапа Бендера), что Бразилия — это далекая страна мечты, где живут счастливые, вечно улыбающиеся, беззаботные люди. Они танцуют самбу, являются заядлыми футбольными болельщиками, ходят на пляж Копакабана, и им можно только позавидовать. Но это не значит, что с бразильским флагом можно делать все что угодно. Нетрудно представить себе ситуацию (например, на стадионе), когда и патриотично настроенные бразильцы оскорбятся...

Коллектив по случаю того или иного события, стремясь поддержать солидарность и групповую идентичность и таким способом воссоздать самого себя, может организовывать красочные перформансы — священнодействия, производящие сильнейшее эмоциональное и эстетическое впечатление как на инсайдеров, так и на аутсайдеров. Отличный кейс — знаменитое сиенское палио, скачки, которые проводятся в течение столетий по весьма замысловатой, строго регламентированной процедуре с чрезвычайно высокой долей ритуализма и яркой церемониальности. В период подготовки к соревнованию и особенно в период его проведения символы полностью завладевают людьми. Главными участниками этого грандиозного символического мероприятия становятся контрады — коммуны, объединяющие жителей городских районов, между которыми разыгрывается нешуточное соперничество. Огромную роль в возбуждении коллективных эмоций, граничащих местами с настоящей истерией, играет социально маркирующая атрибутика — знамена и эмблемы с рисунками, изображающими разных геральдических персонажей, в основном животных (у каждой контрады свои), а также сам приз, символические почести, оказываемые победителю, не только жокею, но и лошади (хотя настоящим победителем является сама контрада). У каждого такого сообщества есть своя бережно хранимая история, отчасти мифологизируемая и, естественно, апологетизируемая его членами, свой девиз, святые покровители.

В этой наполненной всеобщей экзальтацией городской феерии открытое противостояние коллективных субъектов принципиально, оно выражается в столкновении символов. Одного лишь стремления к победе или спортивной конкуренции, основанной на техническом, инструментальном мастерстве, недостаточно. Все наездники — профессионалы, а лошади в соответствии с уставом распределяются по жребию. Гораздо важнее социальное символическое самоутверждение коллектива, не только прямое, но и от противного — через поношение и приниже-

ние символов противника (контрады вступают в традиционные альянсы; существуют дружественно-союзнические и враждующие отношения между разными контрадами). Ликование победителя максимально обостряется, ведь противник посрамлен. Все эти чувства активно подстегиваются благодаря использованию богатого символического реквизита команд. Разумеется, сиенское палио — это всего лишь пример. Нетрудно будет отыскать другие, возможно, менее колоритные, но не менее показательные.

В нашем квартале — самое красивое праздничное оформление табернакля с изображением Святой Девы Марии, а у наших соседей — просто посмешище и убожество! В нашей деревне / приходской церкви (допустим, Сан Стефано, Сан Мартино или Санто Спирито, «что на горе»...) самый чудесный и трогательный рождественский вертеп — уникальный, локально аутентичный, искусно выполненный из местных материалов, к тому же с фантазией... не то что у них (в Санта Чечилии, Санта Маддалене или Санта Кроче, «что у рынка»...) — ширпотреб, как из магазина китайских игрушек (обычно такие откровения из вежливости не озвучиваются при посторонних). В связи с этим вспоминается фрагмент из «Социологии религии» М. Вебера, где ученый, хотя и в ином проблемном контексте, замечает: «...для неаполитанца мадонна одной часовни отличается от мадонны другой: одной он поклоняется, другую презирает и ругает, если она помогает его соперникам, или пытается вызвать ее неблагосклонность к ним» [Вебер, 1994: 90].

Как учил Георг Зиммель, люди любят иногда просто конфликтовать — без особой причины, им это просто «надо» (для самоутверждения, поддержания «тонуса» и укрепления «границ»). Любят это делать и группы просто потому, что есть А и В, черное и белое, левая и правая рука, стороны света, и т. д. Как сообщала детсадовская присказка, повторяемая как мантра при парном построении в ряд перед выходом на прогулку, «первые горелые, вторые золотые». И этот словесный вызов сразу же рождал симметричный ответ: «первые на танке¹¹, вторые на поганке». Такова природа нереалистического конфликта, если использовать терминологию Льюиса Козера, шедшего по стопам Зиммеля. Если нет веских оснований, можно найти «пустяковые» — хотя самим участникам они столь уж пустяковыми не кажутся. Сколькими перстами креститься, ходить вокруг церкви посолонь или противосолонь?... Фанатские сообщества, спортивные и музыкальные... поклонницы Ивана Козловского и Сергея Лемешева, рокеры и рэперы, эмо и готы... etc. — список может быть бесконечным. Стороны могут быть — «по сути» — похожи друг на друга, хотя чем-то все-таки различаться (например, цветами флага или геральдическим рисунком сообщества). Символы в подобных ситуациях нередко становятся яблоком раздора, катализатором, провоцирующим выход негативной социальной энергии. Содержательно предмет спора может не стоить и выеденного яйца, но это неважно, ведь страсти вокруг этих предметов бушуют нешуточные, а жертвы порой оказываются вполне реальными. И это также значит, что люди в большинстве случаев относятся к своим и чужим символам вполне серьезно, настолько серьезно, что... стремясь защищать эти символы, они оказываются способны на многое (включая даже готовность братья за оружие и жертвовать жизнью).

¹¹ «Правильно социализированный» советский ребенок уже в дошкольном возрасте знал, что танк — очень престижное средство передвижения.

Завершая комментарий к сорокинской концепции проводников, можно сделать короткое промежуточное резюме. Фетишизм проводников есть лишь другое концептуальное описание процесса кристаллизации жизни в культурных формах, драматизм которого был прекрасно схвачен Зиммелем (в то же самое трагическое десятилетие, когда Сорокин писал свои ранние работы).

Проводники не просто что-то проводят и кого-то с кем-то соединяют, пропуская через себя смыслы и значения, как через идеально полую трубу. Символы, подобно маклюэновскому медиуму, не только передают сообщение, но и сами нечто сообщают, даже если и не от себя изначально, а по «наставлению и наущению» полузабытых предков или традиции (концов не сыщешь!), по инерции или «на автомате». Поэтому они могут управлять людьми, хотя на первый взгляд кажется, что люди всецело управляют ими. Сами проводники, конечно, смыслов не производят (самостоятельно, без участия человека как подлинного, в некотором роде эксклюзивного генератора смысла). Но они обладают способностью эти смыслы аккумулировать — удерживать, хранить, накапливать, присваивать. В любом случае власть проводников над людьми определяется тем неустрашимым, фатальным обстоятельством, что последние не могут и не умеют передавать генерируемые ими значения, ценности и смыслы непосредственно, так сказать, «телепатически» и «экстрасенсорно», не выражая их ни в каких внешне доступных считыванию и фиксации формах.

Когда иконоборцы, ведущие войну с идолопоклонством, в состоянии священной экзальтации / остервенело / преисполненные праведного гнева откалывают головы у статуй святых, изваяния молчат, сохраняя невозмутимый вид. Но не молчат иконопочитатели, они действуют, вставая на защиту «каменных истуканов». Самим «истуканам», конечно, все равно, однако умение объединять и разъединять людей, делать их друзьями и врагами наделяет символы реальной силой, способной созидать, разрушать, поддерживать и трансформировать исторически сложившиеся системы общественных отношений.

Список литературы (References)

Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

Weber M. (1994) Selected Works. The Image of Society. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Кубряк О. В., Багдасарьян Н. Г., Герасименко М. Ю., Краснов В. Н., Кулябина Е. В., Подвойский Д. Г., Трущелёв С. А. О критичности врача: междисциплинарный подход // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 295—313. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.15>

Kubryak O. V., Bagdasaryan N. G., Gerasimenko M. Yu., Krasnov V. N., Kulyabina E. V., Podvoyskiy D. G., Trushchelev S. A. (2019) On Doctor's Criticism: An Interdisciplinary Approach. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 6. P. 295—313. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.15>. (In Russ.)

Лазебная К. П. Теория символического в ранних работах П. А. Сорокина и российская социология начала XX века // Питирим Сорокин: новые материалы к научной биографии. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 157—167.

Lazebnaya K. P. (2012) The Theory of the Symbolic in the Early Works of P. Sorokin and Russian Sociology of the Early Twentieth Century. *Pitirim Sorokin: New Materials for a Scientific Biography*. Moscow: INION RAN. P. 157—167. (In Russ.)

Питц У. Проблема фетиша. М.: V-A-C Press, Artguide Editions, 2019.

Pitz W. (2019) The Problem of the Fetish. Moscow.: V-A-C Press, Artguide Editions. (In Russ.)

Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.

Sorokin P. (1991) System of Sociology. Vol. 1. Social Analytics. Syktyvkar: Komi Book Publ. (In Russ.)

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Sorokin P. (1992) Human. Civilization. Society. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный Центр, 2021.

Hałas E. (2021) Symbole i społeczeństwo. Szkice z socjologii interpretacyjnej. Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russ.)